

пользовала эту статью в своей работе «По Курдистанскому уезду Азербайджана»<sup>2</sup>, где приводятся исторические данные о появлении курдов в Азербайджане, описываются естественные и искусственные пещеры.

К началу 1930-х годов относится работа Казимира Василевского «Современный Курдистан (Курдская проблема)» (260 л. рукописи). Исследование посвящено экономическому и социально-общественному положению в Курдистане, национально-освободительной борьбе курдов. Сочинение состоит из семи глав и приложения (схемы расселения курдских племен и очагов восстаний). Было бы любопытно сопоставить эту рукопись с изданной статьей К. Василевского «К аграрным отношениям в Курдистане»<sup>3</sup>, где рассматриваются те же проблемы и приводится схема расселения важнейших курдских племен. Возможно, в этой статье автором использован рукописный материал.

Хочется отметить работу Али Кемаля Эрзинджани «Курдские племена, обычаи и привычки» (Анкара, 1932). Перевод с турецкого, выполненный Гаибовым, — часть обширного труда о курдах Эрзинджанского (Дерсимского) вилайета Турции.

Несомненный интерес вызывает открытое письмо Мустафе Кемалю от известного курдского общественного, политического и культурного деятеля, активного участника курдского национально-освободительного движения первой половины XX в. Мехдата Джаладата Али Бадырхана. Это отрывок из книги (ок. 100 с.) против политики Мустафы Кемала и его предшественников в отношении курдов в пользу курдской автономии.

И, наконец, остановимся на прошении беженцев-ассирийцев, проживавших в Тифлисе, наместнику на Кавказе. Просители сообщают о позиции восточных христиан (ассирийцев) в Урмии (Персия) во время русско-германской войны, о плачевном положении ассирийцев и просят о спасении немногих христиан, оставшихся в Урмии, о политике России в отношении ассирийцев и т.д. Приводится список 439 семей беженцев-ассирийцев, а также конспективные записки об

<sup>2</sup> Пчелина Е. По Курдистанскому уезду Азербайджана (Путевые заметки) // Советская этнография. 1932. № 4. С. 108-121.

<sup>3</sup> Василевский К. К аграрным отношениям в Курдистане // Аграрные проблемы. 1932. Кн. 1-2. С. 115-131.

ассирийцах, где рассматриваются вопросы этнографии, культуры, религии, управления. Рукописи датируются 1915 г.

В «Описании» представлены также рукописи на армянском языке, посвященные курдскому вопросу.

Таково вкратце содержание основных рукописных материалов в работе К. Анкоси. В Приложении он дает описание курдских рукописей О. Сисяна, хранящихся в его личном архиве. Представлен фольклорный материал разных жанров: пьесы, написанные О. Сисяном, описание Дерсимского края, воспоминания о курдах-езидах и местах их проживания, о курдских племенах и многом другом. Большая заслуга К. Анкоси в том, что он опубликовал эти материалы. Ведь в личных архивах курдов хранится большое количество рукописей, но они остаются недоступными ученым.

В конце книги К. Анкоси (с. 53-69) публикуется перевод описания курдских материалов на английский язык. Работа вышла под редакцией д.ф.н., в.н.с. Института восточных рукописей РАН З.А. Юсуповой и посвящена отмечавшемуся в 2009 г. столетию со дня рождения выдающегося ученого К.К. Курдоева.

К. Анкоси сожалеет, что ему не удалось выяснить, каким путем и от кого поступили материалы в архив Национального центра рукописей. Но это и не столь важно, главное — он выполнил свою задачу: ввел в научный оборот до недавнего времени оставшиеся неизвестными курдские рукописи, содержащие новые историко-этнографические сведения о курдах, их языке, культуре. Эти документы могут стать ценным источником для изучения духовного наследия курдского народа и его истории. Материалы вызовут несомненный интерес у специалистов и послужат основой для дальнейших исследований.

*Ж.С. Мусаэлян*

**Дандамаев М.А. Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология.** — СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. — 512 с.

В Издательстве СПбГУ в Санкт-Петербурге вышла книга выдающегося отечественного ассириолога, члена-корреспондента АН РФ М.А. Дандамаева «Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н.э. Социальные институты и

идеология». М.А. Дандамаев является автором более 400 научных публикаций, в том числе ряда монографий, которые не только принесли заслуженное признание своему автору и обеспечили ему ведущие позиции в мировой науке о Древнем Востоке, но и способствовали сохранению и поддержанию авторитета отечественной исторической науки в мировом научном сообществе. Любая публикация ученого такого масштаба, основанная на изучении огромного документального материала древневосточных текстов, вызывает большой научный интерес у специалистов, и тем не менее данное издание представляет собой, на мой взгляд, особую ценность для отечественной науки.

В издании собраны статьи автора, которые в большинстве своем были написаны во второй половине XX в. и опубликованы в самых разных изданиях, частично отечественных, но главным образом зарубежных. Значительная часть этих статей, особенно те, что вышли на западных языках, осталась совершенно недоступной нашему читателю. При подготовке сборника автор проделал очень большую работу. Статьи были не только переведены на русский язык, но и в их текст были внесены многочисленные изменения с учетом современного состояния науки, добавлены ссылки на новые исследования и новые издания клинописных текстов. Хотя в названии сборника содержатся определенные географические (Месопотамия и Иран) и хронологические (VII-IV вв. до н.э.) рамки, его содержание далеко выходит за эти пределы, охватывая во многих случаях всю территорию Древнего Востока и практически весь период древности с III тыс. до н.э. по начало нашей эры. Таким образом, данное издание в полной мере дает представление о современном состоянии научных знаний, касающихся истории социально-экономических, этнических и духовных аспектов развития общества на Древнем Востоке.

Особую ценность придает изданию тематическая подборка статей. Сборник состоит из шести разделов, каждый из которых содержит от 12 до 20 статей по следующим темам:

I. Государственная администрация.

II. Дворцовое хозяйство и храмовая экономика.

III. Свобода и рабство.

IV. Частное предпринимательство.

V. Этнические контакты.

VI. Религия и характерные особенности древней идеологии.

Сами названия разделов показывают, что статьи, представленные автором в данном сборнике, затрагивают практически все основные аспекты развития древнего общества. Каждый раздел содержит как статьи общего характера, затрагивающие фундаментальные вопросы истории, так и небольшие исследования или эссе, посвященные отдельным аспектам той или иной проблемы. Оба эти направления исследования, т.е. теоретическое осмысление экономических, социальных и духовных процессов, происходивших на протяжении всего существования древневосточных цивилизаций, и изучение отдельных конкретных аспектов той или иной проблемы на материале Месопотамии и Ирана I тыс. до н.э., тесно взаимосвязаны и естественно дополняют друг друга. Фундаментом всех исследований автора, будь то небольшое эссе, посвященное определению значения отдельного термина, или масштабные теоретические статьи по самым сложным и спорным проблемам развития древней экономики и социума, является работа с древними текстами. Прекрасное знание греческого языка и целого ряда древневосточных языков позволяет автору свободно ориентироваться в сложнейшей картине многообразной и многоэтничной жизни общества Ближнего Востока I тыс. до н.э.

Для историка древности это период, завершающий длительный многотысячелетний путь развития первых цивилизаций. Представленная в статьях сборника позиция автора по важнейшим вопросам истории Месопотамии (см. выше названия разделов) позволяет читателю представить общую картину состояния общества в этот период, какой она видится автору сборника, и в значительной степени откорректировать понимание предшествующих, часто гораздо менее документированных этапов этого пути.

С точки зрения экономики определяющим фактором для этой эпохи, по мнению автора, было интенсивное экономическое развитие и быстрый рост товарно-денежных отношений, ярким показателем чего является широкое применение свободного наемного труда, который занял важное место в общей структуре экономики, а также важная роль, которую стал играть в экономике Месопотамии ры-

нок, в том числе продажа земли, превратившаяся в этот период в повседневное явление (с. 10-47; 190-191; 230-237). Ведущую роль в экономике стал играть частный сектор. Именно на частновладельческих хозяйствах лежала вся тяжесть содержания армии и государственного аппарата за счет уплаты налогов. Важное место в структуре экономики занимало храмовое хозяйство, которое и в этот период располагало огромными материальными ресурсами. Что касается государственного сектора экономики, то он значительно уменьшился в своих размерах, превратившись, по существу, в личное хозяйство царской семьи (с. 31). Основным источником ремесленного и сельскохозяйственного производства были мелкие хозяйства; даже крупные землевладельцы (царь, храмы, богатые предприниматели) предпочитали сдавать землю арендаторам (с. 27).

Такая ситуация явилась, по-видимому, результатом долгого пути исторического развития месопотамской цивилизации. По мнению автора, в I тыс. до н.э. в Месопотамии продолжали существовать те же «три экономических сектора, которые возникли еще на заре истории, т.е. царское, храмовые и частновладельческие хозяйства». Однако к этому времени радикально изменилось качественное соотношение отдельных укладов в экономике. В ранние периоды истории Месопотамии (III — начало II тыс. до н.э.) ведущая роль в экономике принадлежала государственно-храмовым хозяйствам, в рамках которых работала и жила значительная часть населения. В условиях неразвитости рыночных отношений только такие крупные централизованные хозяйства имели, по мнению автора, возможность накапливать достаточные ресурсы для создания социального фонда и для приобретения необходимых материалов из-за рубежа.

Со временем крупные централизованные хозяйства стали терять свою эффективность. В конечном итоге экономика, основанная на большом бюрократическом аппарате и полусвободном труде, была заменена частновладельческими и храмовыми хозяйствами, применявшими, в основном, свободный труд, дополненный рабским. Таким образом, если в ранний период истории Месопотамии ведущую роль в экономике играло государственно-храмовое хозяйство, то в поздний период ведущим сектором экономики стал частный (с. 29).

Характер социальных институтов в Вавилонии этого периода, несомненно, соответствовал характеру экономического устройства (с. 166 сл.). «В I тыс. до н.э. общество состояло из полноправных граждан городов, свободных, не имеющих гражданских прав, и различных слоев зависимого населения, отдельной прослойкой которого были рабы» (с. 214). Полноправные граждане городов (*mār banē*) (знать, земледельцы, ремесленники) жили в городах, владели землей в пределах сельской округи соответствующего города и являлись членами народного собрания храмово-городской округи, власть которого распространялась на эту территорию. Их статус был наследственным (с. 175, 205), и они имели целый ряд социальных и имущественных привилегий. В частности, они могли стать пребандариями и получать постоянный доход от храмового имущества (с. 369).

Сравнивая эквиваленты термину *mār banē*, известные из других древневосточных языков (древнеперсидские, эламские, арамейские), автор показывает, что термин, который традиционно переводят как «свободный человек, гражданин, благородный», правильнее переводить именно как «гражданин» (с. 172). Этот сильный и многочисленный класс граждан существовал вплоть до I в. н.э., о чем, по мнению автора, говорит документально подтвержденный факт существования еще и в это время храмов и народных собраний при них (с. 46).

Другую часть свободного населения составляли лица, не имевшие гражданских прав, прежде всего, сельское население, сидевшее на государственной земле: военные колонисты, государственные чиновники и работники. Среди них было много чужеземцев: военнопленные, увезенные в эту страну, царские воины, а также люди, по разным причинам добровольно прибывшие туда и жившие там постоянно или временно. Эти люди изначально не владели собственностью внутри общинного земельного фонда, и поэтому им был закрыт доступ в вавилонскую храмовую организацию. Соответственно, они не могли принимать участия в городском (или храмовом) самоуправлении и поэтому не могли стать членами народных собраний (по крайней мере, в первом поколении). Они, по-видимому, не подвергались никакой дискри-

минации в плане экономики и религии и даже могли, вероятно, установить на местах собственное самоуправление, т.е. создать народное собрание, чтобы улаживать вопросы гражданского права в пределах своей общины (с. 369).

Еще одной (самой малоизученной) частью вавилонского общества были различные группы зависимого населения, занимавшего промежуточное между свободными и рабами положение (с. 224 сл.). В I тыс. до н.э. роль таких групп в производстве и социальной структуре общества, по-видимому, значительно уменьшилась по сравнению с III и II тыс. Однако, как отмечает автор, эта проблема, одна из первостепенных и вместе с тем самых трудных проблем социальной истории Древнего Востока, еще ждет своего исследователя (с. 220).

Особенно много внимания уделено в сборнике исследованию проблемы рабства (с. 166-230). Очень важной является мысль автора о том, что «на Древнем Востоке не наблюдается развитие института рабства в сторону неизбежного, неуклонного повышения удельного веса рабского труда в основных отраслях хозяйства» (с. 223). Отмечая, что «по сравнению со всеми предыдущими периодами истории Месопотамии применение труда рабов достигло апогея в I тыс. до н.э.» (с. 221), автор, однако, неоднократно подчеркивает, что основой сельскохозяйственного и ремесленного производства в Вавилонии I тыс. до н.э. был труд свободных (с. 208, 220). Рабский труд «не мог конкурировать с трудом свободных производителей» и использовался в основном для выполнения домашних работ. Тем не менее само существование института рабства накладывало неизгладимый отпечаток на все аспекты жизни древнего общества, и если говорить в терминах общественно-экономических формаций, то к обществам Древнего Востока, по мнению автора, больше всего подходит определение «рабовладельческая формация» (с. 229).

Такое социальное устройство общества, как показывает автор, уходит своими корнями в глубокую древность. Структура экономики Месопотамии в III-II тыс. до н.э. — параллельное существование государственного и частного секторов — определяла и социальное деление общества «на "царских

людей" (мушкенумов) и свободных общинников-граждан (авилумов). Последние были членами народного собрания, являвшегося основным органом местного самоуправления. Кроме того, в государственных, храмовых и частных хозяйствах работали рабы и другие зависимые социальные слои населения» (с. 213 и сл.).

Самым важным и стабильным социальным институтом Месопотамии начиная с IV тыс. до н.э. и на всем протяжении ее древней истории был город и городская гражданская община. Центрами гражданских городских общин с момента возникновения городов в Месопотамии и до конца древности, по мнению автора, были храмы (с. 35).

В I тыс. до н.э. сохранялись древние священные привилегии вавилонских городов: местное самоуправление, освобождение от налогов, принудительных работ и воинской повинности, а также гарантия против незаконного (т.е. без суда) заключения в тюрьму, а попытки царей посягнуть на эти права часто заканчивались трагически для самих правителей (с. 167 и сл.). Городское народное собрание в Месопотамии оказалось исключительно жизнестойким институтом, который сумел сохраниться в течение нескольких тысяч лет, пережив правление шумерских, вавилонских, ассирийских, персидских и македонских царей, окончательно исчезнув, вероятно, только в начале нашей эры. Автор соглашается с высказанной еще И.М. Дьяконовым мыслью о том, что именно потеря гражданских прав жителями вавилонских городов, исчезновение самоуправления свободных является линией раздела между древностью и средними веками (с. 229).

Историкам хорошо известно, что в I тыс. до н.э. экономические и культурные связи между Месопотамией и другими странами Ближнего Востока достигли невиданных прежде объемов. Однако помещенные в раздел V («Этнические контакты») статьи автора значительно расширяют наше представление об этой проблеме, рисуя многообразную картину реальных этнических контактов, отраженных в документах и памятниках (с. 309-371).

Важную роль в активизации этих процессов, несомненно, играл тот факт, что I тыс. было временем возникновения великих ми-

ровых империй, т.е., как определяет это автор, государств, власть которых распространялась на многие страны, населенные этнически разнородными народами (с. 398). При Ахеменидах, когда мир на огромных пространствах от Африки до Западной Индии стал единым, в Месопотамии, Египте и других странах появились воинские гарнизоны, в которых служили представители десятков различных народов, до этого часто и не знавших о существовании друг друга (с. 401).

Смешению народов способствовала, с одной стороны, политика насильственного переселения завоеванных народов, с другой стороны, создание огромных по территории империй давало возможности не только деловым людям и торговцам, но и любым желающим в поисках лучшей доли свободно перемещаться из одного конца Ближнего Востока в другой. Вавилонские документы, переводы которых содержатся в статьях сборника, содержат богатую информацию о чужеземцах, живших в Месопотамии. Они заключали различные сделки между собой, а также с местным населением, выступали свидетелями при составлении документов. Поражает этническая пестрота населения. В архиве предпринимательского дома Мурашу среди упоминаемых имен собственных  $\frac{2}{3}$  имен вавилонские, остальные — неавилонские, иногда сопровождаемые этнонимами. Среди этих чужеземцев иранцы, евреи, египтяне, персы, фригийцы, лидийцы, киммерийцы, индийцы и представители других этнических групп (с. 315). Основным языком общения был, вероятно, арамейский.

Автор подчеркивает, что местное население относилось к чужеземцам спокойно. «Древний Восток не знал конфликтов на этнической почве, расовой неприязни и чувства превосходства одного народа над другим... со стороны местного населения не было пренебрежения к этническому происхождению чужеземцев, которые по различным причинам поселились в другой стране» (с. 381).

В последнем разделе сборника, посвященном вопросам религии и идеологии, автор особо останавливается на проблеме культурного единства ближневосточного мира I тыс. до н.э. (с. 372-442). По мнению автора, общества Древнего Востока в I тыс. до н.э. гораздо меньше подвергались давлению офи-

циальной идеологии и религиозных догматов, чем это было характерно для всего последующего времени. В пространстве политеистических религий не существовало понятия о ложной вере или ереси. Никто не был заинтересован в навязывании своей веры другим. Любой культ считался правомерным, и появление новых богов приветствовалось. Для частных лиц не обязательно было молиться государственным богам. Люди поклонялись тем богам, которым считали нужным. Оказавшись в чужой стране, люди почитали местных богов, сохраняя верность своим традиционным богам. Завоеватели не уничтожали статуи богов на захваченных территориях, а увозили их, чтобы лишить врагов поддержки их богов (с. 373 сл.). В этом же разделе освещается множество других интереснейших проблем, связанных с вопросами религии и идеологии: были ли персы ахеменидского времени, их цари, а также маги зороастрийцами, в чем состояла суть имперской идеологии Ахеменидов и др.

Все статьи сборника, независимо от их тематики, содержат массу интереснейших сведений о политической истории региона в I тыс. до н.э. и о разнообразных реалиях повседневной жизни и занятиях населения: торговая и ремесленная деятельность, заработная плата и цены на продукты, пищевой рацион, вино и виноградарство, рыболовство, медицинская практика и многое другое. Все эти интереснейшие сведения подкреплены переводами соответствующих текстов. К сожалению, индекс переведенных текстов в издании отсутствует.

Таким образом, сборник «Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология» является своего рода энциклопедией, содержащей многообразные сведения по самым разным аспектам социально-экономической и политической истории древнего Ближнего Востока I тыс. до н.э. и основанной на тщательном изучении документальных свидетельств. Книга М.А. Дандамаева представляет большой интерес не только для специалистов ассириологов, но и для всех историков древности. Это издание очень важно и для студентов, начинающих изучение Древнего Востока, и не только как источник разнообразных сведений, но и как пособие по методике научного исследования.

*Н.В. Козырева*